

ОТЗЫВ

на диссертацию иерея Алексея Николаевича Сорокина «Ботаническая лексика Ветхого Завета: теоретические и практические аспекты идентификации библейских фитонимов», представленной на соискание учёной степени кандидата богословия

Диссертационная работа А. Н. Сорокина посвящена методическим аспектам идентификации библейских фитонимов, т. е. соотношения названий растений, встречающихся в Библии, с современной научной ботанической номенклатурой. Признавая, что так понимаемая идентификация должна быть основой для переводов Библии с древнееврейского на другие языки, а также для создания библейских садов, автор стремится дать исчерпывающую картину применяемых методов идентификации, которая одновременно могла бы служить и универсальным инструментом для решения указанных задач. В смысле полноты описания методов, которые применяются и должны применяться при идентификации библейских фитонимов, диссертация А. Н. Сорокина не вызывает никаких возражений и не требует никаких дополнений: это описание дано с исчерпывающей полнотой и само по себе может служить основанием для присуждения автору искомой учёной степени. Возражения вызывает та роль, которая, по мнению автора, принадлежит идентификации фитонимов в переводе (а значит, и в понимании) библейского текста.

Дело в том, что и в древнееврейском, и во всех европейских языках растения, как правило, не имеют собственных имён (Мамврийский дуб и дерево познания добра и зла – редчайшие исключения). Поэтому, когда мы говорим о названиях растений, бытующих в любом языке или в любом тексте, мы всегда имеем в виду названия не отдельных экземпляров, а названия тех или иных *множеств* растений. И в этом смысле любой естественный язык являет собой некую классификацию растений, обладающую такими же «правами на существование», как и современная научная классификация, которая находит выражение в ботанической номенклатуре, и в значительной степени независимую от неё. В принципе возможна ситуация, когда сама задача идентификации, т. е. поиска вида растений, соответствующего тому или иному фитониму, оказывается некорректно поставленной. Например, подавляющее большинство понятий, обозначаемых русскими словами, которые трактуются как названия деревьев («берёза», «ель», «сосна», «дуб» и т. д.), по объёму совпадают с родами ботанической систематики (соответственно, *Betula*, *Picea*, *Pinus*, *Quercus* и т. д.). Но словом «пальма» при этом обозначается целое семейство *Arecaceae*, а словом «осина» – наоборот, только один вид *Populus tremula*, тогда как все остальные виды рода *Populus* объединяются в понятие, обозначаемое словом «тополь». Ещё более сложной может быть ситуация с древнееврейским языком, принадлежавшим совсем иной культуре, чем та, в которой формировалась и продолжает жить ботаническая систематика. Границы понятий, обозначаемых еврейскими фитонимами, могут вообще не совпадать ни с какими границами ботанических таксонов, а сами эти слова могут обозначать, например, жизненные формы растений (как русские слова «дерево», «трава», «кустарник») или какие-либо хозяйственные категории («фрукт», «овощ»). И каждый переводчик и каждый читатель Библии должен быть готов к тому, что он столкнётся с такой ситуацией, в которой само понятие идентификации оказывается лишённым смысла. Очевидно, любое решение «задачи идентификации» должно предваряться анализом этой задачи «на осмысленность», т. е. выяснением вопроса, действительно ли данный фитоним соответствует какому-либо таксону ботанической классификации, или же он обозначает понятие, которое с этой классификацией никак не соотносится. Нельзя сказать, что диссертант не видит данной проблемы: она отчётливо формулируется в специальном разделе главы 4 – «Соотношение современной и древней реалии». Однако о методах её разрешения фактически ничего не говорится, а без него сама «задача идентификации», являющаяся главной темой диссертации, кажется «повисшей в воздухе».

Трудно согласиться с автором и в том, что основными методами при идентификации фитонимов должны быть лингвистический, археологический и ботанический, а «остальные методы <так или иначе опирающиеся на *традицию* интерпретации фитонима> являются дополнительными и могут служить для верификации гипотез, полученных с помощью трёх

основных методов» (Автореферат, стр. 19). Количество видов растений, удовлетворяющих критериям, которые удаётся сформулировать с помощью «основных» методов, обычно оказывается столь большим, что делает задачу идентификации практически неразрешимой. Вообще, как показывает история палеографии, прочтение древнего текста «с нуля», без обращения к уже существующей традиции его перевода, как правило, невозможно (например, расшифровка египетских иероглифов стала возможной лишь после открытия розеттского камня, а полной расшифровки этрусских надписей не существует до сих пор). Поэтому представляется, что основным методом идентификации фитонима должен быть как раз анализ традиции его перевода на другие языки. Именно этот метод позволяет сформулировать, так сказать, «нулевую» (исходную) гипотезу (или, по крайней мере, небольшое число таких гипотез), тогда как лингвистический, археологический или ботанический метод могут служить лишь для оценки её правдоподобия и являются, таким образом, вспомогательными.

Так, например, кажется неправомерным возводить традицию идентификации еврейского הַשׁוֹפָר как вида *Hyssopus officinalis* лишь к К. Линнею. Линней, устанавливая виды растений и придавая им латинские названия, которые до сих пор используются в ботанике, в значительной степени опирался на традицию наименования растений, существовавшую в Европе в средние века и восходившую ещё дальше – к латыни «классического», т. е. античного времени. Классическая же латынь была «современницей» Септуагинты и многие слова (особенно специальные термины, вроде названий растений) заимствовала из греческого. Поэтому современную традицию идентификации הַשׁוֹפָר как вида *Hyssopus officinalis* следует возводить к переводу этого древнееврейского слова греческим ὕσσωλος, что придаёт данной идентификации большее правдоподобие (авторы Септуагинты были носителями греческого языка, а к древнееврейскому тексту в культурном отношении стояли гораздо ближе, чем его современные переводчики и интерпретаторы).

Из частных недочётов диссертации сто́ит отметить, вероятно, тот факт, что мимо внимания её автора полностью прошла книга Д. М. Берёзкина «Библейская флора. Наглядное пособие при чтении и изучении Библии» (СПб, изд-во Я. Башмакова и К°, 1914). В условиях, когда (как совершенно справедливо отмечает автор) русскоязычная литература по теме диссертации оказывается крайне малочисленной, эта достаточно объёмная и информативная книга несомненно заслуживает подробного рассмотрения.

Сделанные замечания, однако, не умаляют общего значения рецензируемой диссертации и её положительной оценки. Думается, что автор работы иерей А. Н. Сорокин вполне заслуживает присуждения ему искомой степени кандидата богословия.

Ведущий научный сотрудник
Ботанического института им. В. Л. Комарова РАН,
доктор геолого-минералогических наук

А. В. Гоманьков

